

Мечтал на родину вернуться

«Чубчик, чубчик, чубчик кучерявый, развевайся, чубчик, по ветру»... Эта задорная песня долгое время считалась вредной для слуха советских людей. Газеты называли ее автора и исполнителя «кабацким певцом». Но Федор Иванович Шаляпин, слышавший Петра Лещенко не только в записях на пластинках, отдавал ему должное. Относился с симпатией и композитор Александр Глазунов.

Мы, предвоенная молодежь, несмотря на запреты, знали песни Петра Лещенко. Как и стихи Сергея Есенина, тоже отлученного от народа, переписывали тексты в тетради, записные книжки. И когда собирались компаниями, с удовольствием пели.

На фронте мне иногда удавалось по радиоприемнику, предназначенному для получения официальных сводок Совинформбюро, услышать песни Лещенко - я служил тогда секретарем редакции газеты «Красный воин», выходившей в 84-й стрелковой дивизии. Конечно, слушать «чужие» станции не поощрялось, и я легко мог получить за это сполна. Да и батареи для питания радиоприемника были большим дефицитом.

А в первый послевоенный год удалось увидеть и услышать живого Петра Лещенко. Это было в румынском городе Крайова, где стояли наши части, и я, уже 24-летний старший лейтенант, работал корреспондентом армейской газеты. Когда стало известно, что к нам приезжает с концертами Петр Лещенко, я, естественно, постарался туда попасть. Кстати, и на второй концерт тоже. Во время антракта пошел за кулисы.

Петр Константинович оказался человеком весьма любезным и даже сказал, что будет рад видеть меня у себя в Бухаресте - «Тогда мы сумеем с вами по-больше поговорить».

Концерт был большим. На протяжении двух отделений Лещенко пел песни под свою гитару. Тут была и «Марфуша», которая замуж хочет, «Та и эта гитара», «Татьяна», «Пой, цыган, плачь, цыган» и, конечно, «Чубчик кучерявый» и многое другое - что мы знали, а что-то слушали впервые. Признаться, были удивлены, когда зазвучали мелодия и стихи песни «Темная ночь» из известного военного поры кинофильма «Два бойца». Получалось, Петру Лещенко были близки пе-

реживания наших бойцов во фронтовых окопах.

Буквально спустя неделю во время очередной командировки в Бухарест я позвонил артисту по его телефону и вскоре оказался на улице Элизы Филипеску, 18, в квартире № 5, где меня встретил радушный хозяин. Пригласил в гостиную, усадил в глубокое кресло.

Сейчас привычно слышать в кинофильмах из зарубежной жизни: «Что будем пить? Коньяк, ликер, виски?» Весной 1946 года эти, можно сказать, шокирующие вопросы задал мне Петр Константинович.

Впрочем, тут же воскликнул: «Давайте-ка по-русски, водку. А?»

Он тосковал по родине, и это было заметно во всем. В конце концертов откровенно признался: «Поверьте, вернуться в Россию - моя самая большая мечта. И я уже обращался к вашим представителям с просьбой разрешить мне возвратиться, но ответа пока не получил. Жду и надеюсь встретиться с вами в Москве».

Сорокашестилетний Петр Константинович в обычном ко-

стюме выглядел очень простым, искренним человеком. И когда он мне рассказывал о том, как ездил по Южной Америке, выступал в Африке, бежал со своей обезьяной от какого-то турецкого паши, желавшего обязательно оставить его у себя в качестве собственного музыканта, мне даже стало его немного жаль. Тот достаток, что был виден в его квартире, изобилие впечатлений, которые он сохранил от своих поездок по всему свету, наверное, не могли заглушить мечту о Родине, которую он потерял в безалаберные годы гражданской войны, оказавшись «по ту сторону» и не найдя в себе сил - по его словам, возможностей - вернуться на «эту» сторону.

Подержал я в руках его знаменитую черного дерева гитару, отделанную перламутром. С удовольствием принял в подарок фотографию с надписью: «На память о концерте в Крайове и встрече в Бухаресте старшему лейтенанту Игорю Александровичу Реформатскому от Петра Лещенко. 13.V.1946. Бухарест. Румыния».

Последующей встречи, понятно, не состоялось. Однако я нередко размышлял, что привлекало и привлекает к этому безусловно талантливому певцу. Нелепо искать высокой гражданственности в исполняемых им романсах, танго, фокстротах, веселых, часто шуточных песенках. Ее там нет и не должно быть. Разговор идет о любви, часто неразделенной, о вольной жизни. Далеко не всегда музыка на уровне классических русских романсов, именуемых старинными. И все же творчество Петра Лещенко было популярным. Нет, не из-за того, что запретный плод всегда сладок. Увлекала бесхитростная, ритмичная, легко запоминающаяся мелодия. Жизнь тяжела, трудна, а послушаешь Петра Лещенко, и посветлеет. Верно ведь затвердил другой известный исполнитель: «Легко на сердце от песни веселой». С творчеством Петра Лещенко - этот

мой случай. Не зря же имя его увековечено рядом с именами Леонида Утесова, Клавдии Шульженко, Лидии Руслановой. Они - непревзойденные корифеи отечественной эстрады.

В далеком мае 1946 года Петр Константинович и предложить не мог, что спустя десятилетия будет удостоен такой чести.

**Игорь
РЕФОРМАТСКИЙ,
майор в отставке.**